

Прелесть личного общения

Павел Бунин. “Не славы ради...”. “Орбита-М”. 2002

Культурга —
2002-5-11
сент. с. 5

Жанр книги трудно определить: в ней собраны очерки, прозаические эссе, исторические миниатюры, литературные портреты, путевые заметки, мемуары, поэтические переводы. И все это сопровождается блестящими иллюстрациями, путевыми набросками художника-графика, чей цепкий взгляд закрепил в черно-белых листах тот мир, о котором он вначале только читал в книгах, а потом пережил его воочию, путешествуя по европейским странам с альбомом в руках — от Афин и Рима до Лондона, Вены, Берлина и Парижа. Перед нами, пожалуй, редкий случай, когда слово жадного до новых впечатлений художника сливается с его артистичными рисунками и набросками. К этому надо прибавить еще энциклопедическую начитанность Бунина в области истории культуры, его многолетние раздумья об истории человечества, его довышнюю, по словам Корнея Чуковского, память, держащую в уме сотни имен, фактов, событий.

В очерке о Леонардо да Винчи Бунин вспоминает, как известный историк искусств и художник Вазари сожалел о многосторонних интересах Леонардо: тот был живописцем, изо-

бретателем, инженером... По мнению Вазари, нужно было все силы творческого дарования отдать только художеству. Бунин по этому поводу возражает: “Да, художнику необходим прежде всего талант художника. Но человек не шкафчик с ящиками, где все разложено за перегородками. Ум и сердце постоянно воспринимают, сопрягают и сплавливают чувства и “все впечатленья бытия”. Жажда знаний и познания сжигает душу, лишает ее покоя. Неугомонная творческая натура бросает художника в далекие сферы бытия, заставляет переживать и заново воспринимать века и тысячелетия как единое целое — от античности, прекрасного детства человечества, через одухотворенное Средневековье с его рыцарскими порывами и религиозными откровениями, через непостижимые взлеты Ренессанса вплоть до наших дней.

Нервический, почти телеграфный стиль Бунина помогает проникнуть в духовный мир и повседневно далеких и близких эпох (чего там говорить: уже и XIX век стал позапрошлым). В исторических и литературных миниатюрах Бунин словно вскользь может коснуться какой-ни-

будь бытовой детали, и вся картина эпохи — древних Афин или Французской революции — вдруг заиграет светом правды и достоверности.

То было, конечно, смелое решение: собрать в один том литературные опыты художника. Впрочем, немало мастеров искусства оставили после себя великолепные произведения словесности (Делакруа, Репин, Верещагин, Коровин, Петров-Водкин). Среди любимых жанров Бунина — свободное эссе, где сопрягаются мысли о судьбах писателей, о смысле творчества, о призвании и драме художника.

Интеллектуальная напряженность бунинской прозы особенно впечатляюща в главах воспоминаний о Корнее Чуковском, который так много сделал для совсем молодого художника (а он нередко просто нуждался в поддержке, и не только моральной). О Чуковском написано много; Бунину удалось донести до нас прелесть личного общения с маститым литератором. Одному было за шестьдесят, а другому всего-то семнадцать. Чуковский часто допускал к себе в кабинет юного Бунина; тот, сидя на полу или на тахте, обложившись книгами, поглощал их с не-

насытной жадностью. Иногда он присутствовал при беседах Чуковского с кем-либо из посетителей, а потом старый и малый обменивались впечатлениями. При острой наблюдательности и психологической зоркости мемуариста образ и портрет Чуковского возникает далеко не в идиллических тонах, но везде, в каждой строке, присутствуют восхищение и радость общения с поразительным стариком, прошедшим через весь двадцатый век.

В одном из очерков Бунин вспоминает, как в школьные годы перед ним постепенно открывались ушедшие времена и однажды — то было упоительное состояние — мертвые камни древности вдруг заговорили, заголосили, запели своими разными, неповторимыми голосами в богатейшей гамме интонаций, ритмов... Прочитанное и увиденное оставило в памяти молодого Бунина столько захватывающих впечатлений, знаний и потрясений, что невозможно стало держать их при себе — нужно было выговориться — с мягкой, иронической улыбкой — обо всем, что теснилось, бурлило в голове и в сердце. И вот свершилось: время заговорило.

Владимир ВОРОНОВ